Г. С. ГУБАЙДУЛЛИН и его работа «ТАРИХ ЁЗГОНДА» (Когда пишется история)

Обращение исторической мысли постсоветского времени к биографиям и творческому наследию «забытых» в тоталитарную эпоху ученых-историков, изучавших прошлое тюркских народов, позволило заполнить значительные лакуны в истории. Интерес представляют и разрабатывавшиеся ими вопросы методологии, ведь история, как и всякая другая наука, нуждается в собственной методологической базе, без которой она и наукой называться не может. Споры о методологии шли долгое время, не утихая и в начале XX столетия. Особую остроту они приобретали во время смены научных парадигм.

Вниманию читателя предлагается малоизвестная, практически забытая статья «Тарих ёзгонда» (Когда пишется история) известного татарского ученого-историка Газиза Салиховича Губайдуллина (1887-1937) (в Узбекистане его фамилию зачастую писали Азиз Убайдулин или же А. Азиз), затрагивающая в той или иной степени вопросы методологии и истории[1]. Статья была написана в середине 1920-х гг. во время пребывания С. Губайдуллина в Узбекистане[2] и опубликована в печатном органе Наркомпроса УзССР «Маориф ва укитувчи».

Предлагая статью Г. С. Губайдуллина современному читателю, считаем необходимым предварить ее рядом замечаний и пояснений.

Придерживаясь идеи развития, а также линейнего воспрятия хода истории («Все человечество и история составляющих его отдельных национальностей представляет собой движение от простого к сложному, от варварства к культуре, к прогрессу»), Г. С. Губайдуллин вместе с тем отмечает возможные перерывы по ходу исторического процесса, то есть его этапность. При этом он обращает внимание читателя на связь развития исторической науки с общественными потребностями и отмечает, что не случайно в широких кругах узбекской интеллигенции появилось стремление изучить историю народа. А далее излагает свой, мировоззренческого характера, взгляд на необходимость науки истории как своего рода моста, соединяющего настоящее с будущим. Тем самым ученый помещает прошлое между настоящим и будущим. Нелогичная с формальной точки зрения, эта перестановка, в действительности, отражала глубокую его уверенность в необходимости исторических знаний, отсюда его утверждение, что именно прошлое творит будущее.

Однако какими качествами должен обладать историк, какой методологический арсенал должен быть в его распоряжении? Отвечая на эти вопросы, Г. С. Губайдуллин прежде всего обращает внимание на то, что в «сфере науки истории» существуют два воззрения, два принципа. В одном случае историк занимается какой-то проблемой для доказательства уже имеющегося представления, и тогда его работа заключается лишь в подтверждении готового результата. В другом — подходит к проблеме «без какой-либо теории, без продуманной заранее идеи». Как следует из текста статьи, для Г. С. Губайдуллина такой дилеммы не суще-

ствовало. Верны оба принципа, но взятые не по отдельности, а в своей совокупности. Главное, на его взгляд, состоит в том, что историк, изучая какую-либо проблему, не может быть «абсолютно нейтральным».

Но что означает «абсолютная нейтральность», возможна ли она вообще, и не слишком ли оптимистична методологическая позиция Г. С. Губайдуллина? Под «абсолютной нейтральностью» он понимал готовность историка, в процессе работы обнаружившего факты, противоречащие своей позиции, «преклониться перед новыми доказательствами, отречься от старой позиции». «В противном случае, — замечает Г. С. Губайдуллин, — этот историк окажется предателем истины, совершит перед правдой великое преступление». «Вообще, — продолжает ученый эту мысль, — наверное, историком должен быть человек чрезвычайно сомневающийся, не доверяющий, если нет доказательств». Таким образом, Г. С. Губайдуллин был противником исторических оценок, выносимых априорно. С другой стороны, полностью придерживаться этих правил практически невозможно. И предлагая читательскому вниманию различные примеры из истории исторической науки, в том числе французской, российской, он заключает, что «как бы историк не стремился быть нейтральным, его индивидуальные классовые, философские пристрастия влияют на написание истории». Таким образом, Г. С. Губайдуллин вполне четко указывает на сложное положение, в котором оказывается историк, взявшийся за решение какой-либо проблемы: с одной стороны, его индивидуальное мировоззрение, то есть философские, общественные, аналитические позиции влияют на характер его работы, а с другой — он в процессе работы должен следовать фактам даже в тех случаях, когда они вступают в противоречие с его сложившимися убеждениями, то есть стараться быть нейтральным.

Следует также отметить, что Г. С. Губайдуллин, без сомнения, понимал, что помимо личных идеологических представлений исследователя, определяющих его позицию и влияющих на направленность исследования, существует и жесткий идеологический диктат государства. Вероятно, в середине 1920-х гг. он, и не только он, еще надеялся на эволюцию страны в направлении демократизации ее политического строя или, по крайней мере, сохранения существовавшего относительного плюрализма мнений. Поэтому, представляя узбекскому читателю свой взгляд на методологию исторического исследования, он не уделил внимания в четкой форме этой стороне вопроса. Но, естественно, он не мог затронуть вопроса работы с источниками, их использования в процессе исследовательской практики. Здесь для него не существует безоговорочного, некритического отношения к источникам. Он указывает, что видение какой-либо исторической проблемы во многом зависит от добротной методологической подготовки историка, который в ряде случаев должен быть языковедом и филологом, хорошо разбираться в палеографии. Такие советы, я думаю, актуальны и полезны и по сей день.

Закономерным было и обращение Г. С. Губайдуллина к проблеме соотношения разных факторов в историческом процессе. Иными словами, он указывал на гносеологическую трудность, с которой сталкивается историческая наука: проблему соотношения состояния общества (экономического и социального) и культуры. Сам Губайдуллин формулирует эту проблему в виде оппозиции двух фундаментальных подходов при изучении прошлого. Одни ученые, писал он, утверждают, что «в основе изучения истории должно быть государство…». Другие историки «за основу берут культуру и описывают переход национальной культуры от одной стадии к следующей». Но оба эти подхода, считал он, ошибочны, так как «существует фактор, способный изменить и политику, и культуру, — экономический фактор». Этой позиции Г. С. Губайдуллин придерживался и сам при изучении прошлого тюркского мира.

Актуальность этой методологического характера статьи была вызвана устареванием в начале XX в. позиции традиционной историографии, зародившейся в недрах феодального общества. Взамен надо было предложить методологию современную. Г. С. Губайдуллин и другие историки прилагали к этому все свои усилия.

Обращение Г. С. Губайдуллина к методологии истории было обусловлено желанием ученого-тюрколога сделать историческое знание эффективным в процессе формирования самосознания узбекского народа. К сожалению, плюрализм мнений, которого он придерживался, был изжит уже в начале 1930-х гг., жесткая идеология начала сковывать научную мысль, которая лишалась свободы и исследовательской перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Азиз А. Тарих ёзгонда // Маориф ва укитувчи. – 1925. – № 7-8. – Б. 90-96.
2. Шигабдинов Р. Н. Узбекский период научной деятельности профессора Газиза Губайдуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – № 1/2. – С. 146-152.

Площадь Регистан. XV-XVII вв.: коллекция открыток «Самарканд» / фото З. Сабастинавичюса; «Планета», 1984.

Самарканд. Вид города: открытка; Ленинград: издательство «Аврора», 1983.

Когда пишется история

I

В тени Октябрьского восстания узбекский народ вступил в эру пробуждения. Подобный период [в судьбе] каждого народа характеризуется культурным подъемом. Мы, будучи в этой стране в течение месяца, стали в определенной степени свидетелями этого культурного пробуждения. Мятежный дух старинной литературы узбекского народа вышел на площадь, в устах народа звучат прекрасные поэтические творения, в строй встали обществоведческие, политические книги. Возникла страстная потребность в широких кругах интеллигенции, потребность в том, чтобы собрать народное творчество, и в этом плане уже есть важные достижения. Естественно, что в период пробуждения появляется и стремление изучить историю народа. Мы отчетливо почувствовали эти настроения узбекской интеллигенции.

Известно, что прошлое народа есть мост между настоящим и будущим. Наше настоящее есть продолжение истории. Все человечество и история составляющих отдельных национальностей представляют собой движение от простого к сложному, от варварства к культуре, к прогрессу. Если на этом пути истории и возникает перерыв, это имеет, как правило, естественные причины, подобные события носят временный характер. В этом плане стремление узбекской интеллигенции к постижению собственной истории – обоснованное и естественное явление. Для того, чтобы воспользоваться всеми благами революции, довести трудящихся до уровня счастливой жизни, необходимо изучить сегодняшнюю жизнь народа. Но для этого надо знать то состояние, которое было. Имея это в виду, все мы хотим поделиться некоторыми размышлениями относительно самого процесса изучения истории и о тех вопросах, которые неизбежны при написании истории.

Но сначала одно примечание. Чтобы заниматься историей, совершенно недостаточно владеть наукой, именуемой методологией истории, – «усули тарих». Как и в иных ремеслах и искусствах, в этом деле нужно выработать опыт и навыки этого дела.

В сфере науки истории до сего дня взаимопроникали два воззрения [принципа]. Это проблема того, чем озадачен пишущий историю, – для доказательства продуманной и поставленной уже мысли или он пишет историю просто из любви к науке и с этой целью изучает какую-то проблему.

Много лет это является предметом дискуссии историков Германии. Одни говорят, что, мол, мы изучаем историческую проблему без какой-либо теории, без продуманной заранее мысли [идеи]. Те, кто поступает противоположно, – не ученые, их произведения не являются научным произведением. Один из самых активных участников этой дискуссии немецкий исследователь Эдвард Майз в труде, написанном 15 лет назад и именуемом «Проблемы философии истории», объявил, что отказывается от своего давнего заблуждения. Он говорит: «У хорошего историка не должно быть новых мыслей. Однако логика человека, его разум созданы так, что если в его голове не имеется уже определенной мысли, он даже не будет стремиться к изучению этой заранее поставленной мысли, в нем даже не будет нужды в этом». Следовательно, когда историк приступает к написанию некоей проблемы, он начинает дело с определенной целью, для доказательства задуманного. Если вопрос стоит таким образом, то оказывается нарушено правило «историк не должен иметь мысль». На самом деле, загвоздка не в этом. Во всяком случае, историк, изучая проблему, не может быть абсолютно нейтральным.

Предположим, некий историк до того, как приступил к изучению какой-то проблемы, продумал причины, вызвавшие это событие. Однако в процессе работы он обнаружил нечто, противоречащее своей позиции. Естественно, историк обязан не скрыть истину, более того, преклониться перед новыми доказательствами, отречься от старой позиции. В противном случае этот историк окажется предателем истины, совершит перед правдой великое преступление. Возьмем один пример.

Например, мы решили изучить некое учреждение, именуемое у тюрко-монгольских народов «курултаем». Мы решили написать его историю. Мы обрадовались, увидев у тюрков такое учреждение. Мы решили, что правление тюрков основано на народности и власти масс, и с этим настроем приступили к изучению истории «курултая». В первую очередь, прочитав об этом во французском «Введении в историю Азии» некоего Леона Каэтани [(1869-1935)], мы нашли в ней мысль, соответствующую нашему, уже имеющемуся мнению.

В этой книге «курултай» назван национальным собранием – «милли маджлис», и все доводы направлены на утверждение этой мысли. Разве на этом работа завершилась? Конечно, нет. Мы начинаем проверять. Мы читаем по теме литературу, чтобы проверить написанное Каэтани. И видим, что академик Бартольд в одной из критических работ пишет, что эта мысль ошибочна. Курултай – это общество класса аристократов и собирается по воле хана для санкционирования совершившегося события [происшествия], это маджлис. Историк, прочитавший это утверждение ученого, на этом не останавливается, а проверяет доказательства того и другого ученого, знакомится с источниками. В них находит и выбирает то, что является истиной. Однако история – тонкая наука. Иногда встреча-

ئـجتيماعييـات.

تەئـريـخ يازغاندا.

ئوكتەبر ئيختيلالى سايەسيده ئوزبـيك خەلقى ئنتباه دەو ريگە كردى. هەر بر خەلقنڭ بودەورى مەدەنى ئوتەريلشى بيلەن تەعريف ئيتلەدر. شومەدەنى ئويغانشنى بز آزمى، كوپمى مەملەكەتنڭ ئچيده برآى قالغانيمزدا كوردك. ئوزبيك خەلقنڭ ئيسكى ئەدەبييانى ئختيلالى بزروح بيلەن جانلانب مەيدانغا چيقغان، خەلق تليده جوده چرەيلك شبعرى ئەسەرلەر، ئيجتماعى وە سياسى كيتابلار مەيدانغا چيقغان. خەلق ئەدەبييانينى توپلاش، خەلقنى ئورگەنش دەردى جوده كيڭ برسورەتده زيالى عاممەسيده زوهور ايتگەن، بو بابلاردا موهم خزمەتلەر هەم بار. تەبيعى بوندای ئنتباه دەور لەريده هەر بر خەلق تەئريخينى اورگەنش يولىدا ئجتهاد قيلادر. بز بونى شوكونلەرده ئوزبيك زيياليلاريدا هەم كورەمز، بوجوده تەبيعى بر واقيعەدر. مەعلومكى بر خەلقنڭ ئوتميشى، ئونڭ مازرگى حالى وە كيلگوسنڭ كوپروگيدر. بزنڭ حازرگى حاليمز تەئريخمز نڭ دەواميدر. بوتون ئنسانييەت اونڭ آيرم پارچالارى بولغان آيرم ميللەتلەر تەئريخى زەماندا يوروب ساده دەن مورەكەبگە وەخشيلكدەن مەدەنييەتكە، تەرەققيگە تابارا حەرەكەت قيلادر. تەئريخنڭ بويوليدا بر ئوزوكلك перерыв بولسا هەم ئول ئستيلا تەبيعى سەبەبلەر كبى، واقيعەلەر ئارقالى، واقتلى بولاراقغنا واقيع بولادر. شول سەبەبلى ئوزبيك زيياليلارينڭ تەئريخ بيلەن مەشغول بولشغا ئيجتيهادلارى جوده تەبيعى بر واقيعەدر. ئيختيلالنڭ بير گەن نيعمەتلەريدەن فايدالانب، ميحنەتكەشلەرنى سەعادەتلى بر تورمشغا ئيلتمەك ئوچون خەلقنڭ حازرغى تورمؤشنى ئورگەنش كبرەك. بونى ئورگەنش ئوچون ئوتكەندەگى حالنى بلمەك لازمدر. مەنه شونى ايعتبارغا آلب بز بونده تەئريخ بيلەن شوغللەنش وە اونى يازش اوچون كيرەكلى بولغان بەعزى مەسئەلەلەر توغريسيدا ئوقوغوچيلارمز بيلەن ئورتاقلاشماقچى بولامز.

مەسئەلەگه كرشمەسدەن برتەنبيه قيلش كيرەك. تەئريخ بيلەن شوغللەنش ئوچون هيچ بر واقتدا "ئوسول تەئريخ Методология истории ديگەن علمنى بلش بيلەن كيفايەلەنش يتمەيدر. باشقا هونەر وە سەنعەتلەر دەگيديك بو ئشده هەم ئشلەب قاراش، تەجريبەلەر ياساش لازمدر.

تەئريخ عيلمى مەيدانيدا شوكونگه قەدەر ئيكى مەسلەك بر – برى بيلەن نيزاعلاشب توردىلار.

Первая страница статьи Г. С. Губайдуллина «Тарих ёзгонда» в журнале «Маориф ва укитувчи» (1925. – № 7-8. – Б. 90).

ются такие факты, в оценке которых столько за и против! Что делать в таких случаях? В таких случаях необходимо изучить все источники и критические расследования. О такой критике поговорим ниже.

Известно, что в мире культуры множество направлений и путей. Наверное, эти направления связаны, имеют отношение к идеям истории человечества. Потому что культурный человек всегда испытывает потребность [испытывает осторожность]* иметь свое мнение обо всех сферах жизни, и вместе с тем нужно же выбрать одну из многочисленных философских школ. Естественно, на взгляды историка воздействуют присущие ему философские убеждения. Например, для культурного человека еще со времен Платона существуют два всеобщих, основных философских пути. Быть материалистом [модиюнчи] или идеалистом [манавиятчи]. Если историк относится к первой [материалистической] группе воззрений, он все действующие силы истории сочтет материальнопричинной [базой]. Если он из идеалистов, те же действующие силы определит как духовно-моральные факторы. Именно из-за этого существует мнение, что историк не может быть нейтральным. Наконец, на историка оказывает влияние то, какого класса и какой партии он является членом. Возьмем, к примеру, двух ученых, изучавших историю французской революции и писавших о ней. Двое великих ученых. Один из них знаменитый коммунист Журвист**, второй – Ипполит Тан***. Разность их описаний в том, где каждый из них находился во время революции. Если Журвист с симпатией изображает действия Робеспьера и Моруа, Тан, будучи членом либеральной партии, характеризует этих людей отрицательно. Еще один пример. Знаменитый русский историк Соловьев, смотревший на все с точки зрения славы и могущества Российской империи, в факте взятия Казани Иваном Грозным видел миссию России в распространении на Восток христианства и европейской культуры. Однако материалист-коммунист Покровский совершенно иначе оценивает захват Казани, усматривая в нем стремление аристократии завладеть новыми землями, поиск московской торговой элитой новых рынков.

Следовательно, как бы историк не стремился быть нейтральным, его индивидуальные классовые, философские пристрастия влияют на написание истории. Однако, хотя дело обстоит именно так, мир культуры заставляет человека не отстраняться от исторических событий, мол, «я к каждому историческому […]**** событию и не в состоянии смотреть на них глазами исследователя», и человек вынужден высказаться открыто и коротко, познавая истины. Например, товарищ Ленин написал чрезвычайно важное сочинение. Это «Развитие капитализма в России». Его работа вызвана быстрыми темпами роста капитализма в России XIX в. Факт этот был известен и Ленину, и любому культурному человеку в России. Но до появления его труда это явление не было доказано. Вот товарищ Ленин обратился к XIX в., собрал огромное число материалов по экономическому положению в России, в результате появилось первое по [этой теме] сочинение, в котором подтверждаются его прежние воззрения.

II

Несколько слов о методах исследования исторических проблем. Сочинения, написанные в тюрко-татарском мире в давние времена, легко «вышли на площадь»*****. Авторы обычно писали, опираясь на одну-две русские или восточные книги. Это не вызывает удивления. То был начальный этап исторической литературы.

Специалистов, владеющих научной методикой, не было. Энциклопедии времени были этапными******. Человек обязан был писать обо всех науках. Ныне постепенно наступают перемены. Осуществляется классификация, формируются специалисты. Вследствие этих причин изменяется отношение и к историческим сочинениям. Начинают приглядываться к ним с критической точки зрения. Поэтому тот, кто занимается историей, вынужден смотреть на вещи серьезно и ответственно. Это значит, что писать, переписывать из одной книги в другую, поймав один источник, опираться только на него и писать об этом – это не есть работа в сфере науки истории, в истинном смысле писать исследование по истории. Написание истории должно основываться на убедительных и верных источниках. Источники же имеются двух видов. Одни – материальные, вещественные источники, оставшиеся от изучаемой нами эпохи. Другие – достоверные доказательства, документы и другие официальные и иные письменные свидетельства. Мы [...]******* имеем в виду источники, датированные и имеющие даты. Но существует второе важное обстоятельство, касающееся историка. Это как использовать источники?

За исключением Ибн Халдуна и несколько подобных крайне осмотрительных историков, наши прежние исламские историки [...]******** европейские историки писали как

* Использовано слово «эхтиёд», вероятно, эхтиёж — потребность или эхтиёт — осторожность.
** Так в документе, правильно — Жорес.
*** Так в документе на арабской графике.
**** Слово неразборчиво.
***** Дословный перевод, имеется в виду — оказались в орбите внимания.
****** В тексте — «даврий».
******* Слово неразборчиво.
******** Слово неразборчиво.

Бог на душу положит, ссылаясь на «следующие предания», основываясь на «громких речах». В результате их сочинения остались «чрезвычайно ценными», «принятыми народом» […]*. Например, знаменитый араб Табари, говоря об абсолютно правдивых [реальных] событиях, тут же вводит участниками этих событий пэри, джинов, драконов, дэвов и других фантастических существ. В сочинениях узбекского историка Бахадурхана тоже выдуманное сочетается с реальным. Главная причина такого явления заключается в том, что исследователи не вооружены. «Вооружение» же историка не меч, а критика. Историк, излагая какое-то событие по используемому источнику, не может доверять ему безоговорочно, без критики. Вообще, наверное, историком должен быть человек чрезвычайно сомневающийся, недоверяющий, если нет доказательств.

Из чего состоит критика источника? Мы опирались на письменные источники, предположим, я решил написать историю некоего события. Я нашел о нем нечто письменное. В конце книги назван автор сочинения. Прекрасно, я нашел источник – труд крупного ученого. Но я не имею права сходу пользоваться им. Если это сочинение этого автора до сих пор не было известно, конечно, должны быть известны его другие труды. Я должен ознакомиться с другими исследованиями ученого, увидеть его научные методы, узнать язык, стиль и сравнить это с найденным мною. После этого тщательно изучить его и обязательно узнать, какими источниками он пользовался. И это не все. Если автор пользовался трудами других лиц, надо взять самый первый источник. Например, известно, что Бахадурхан в своей «Шажараи турки» [Родословное древо тюрков] привел неизвестные нам до сих пор источники и вместе с этим большинство извлек из «Джами-ат-таварих» Рашид-ад-Дина. В такой ситуации в тех случаях воспользоваться информацией Рашид-ад-Дина. У Бахадурхана надо взять то, чего нет у других.

Современные методы исследования истории рекомендуют следующее: 1. Язык, методика. Если мы намерены воспользоваться источником, не подвергая его критическому анализу, если неизвестны дата написания и имя автора, можно ориентироваться на его язык и методику. В этом плане историк должен быть языковедом и филологом. 2. Чернила, бумага могут ориентировать в определении времени написания и авторства. Например, в Казани в библиотеке Баруди имеется перевод «Джами-ат-таварих» неизвестного лица на тюрки. Известно, что первоисточник был [...]** Джоном Германом [Касимов], в Москве переведен при Борисе Годунове. Дата новонайденного списка неизвестна. Исследовав бумагу, мы сможем узнать время, когда он был переписан. 3. Изучение почерка, формальных и обыденных документальных показателей. Известно, что официальный почерк изменялся по ходу времени. Именно официальный почерк одного источника указал на его время. Историк должен быть «полиграфом», то есть знать историю официального письма.

Следовательно, настоящий историк должен писать, опираясь на первоисточник, изучив его остро критически.

Еще одна серьезная проблема при написании истории определенной национальности заключается в периодизации. Она связана с другим важным вопросом. Это индивидуальное мировоззрение исследователя – его философские, общественные, аналитические позиции.

Именно по этому вопросу велась дискуссия. Одни ученые утверждали, что в основе изучения истории должно быть государство. Они опираются на политические позиции государственных учреждений, учитывая возведение падишахов на троны, их наделы и доли. Другие историки за основу берут культуру и описывают переход национальной культуры от одной стадии к следующей. Они делят свой труд на периоды – и политические, и культурные. Но оба этих фундамента ошибочны. С одной стороны, мы знаем, что существует фактор, способный изменить и политику, и культуру, – экономический фактор. С другой стороны, определяя периоды истории, опираясь на политику или культуру, упускаем важнейшие стороны народной жизни. В силу этого современные историки, даже не будучи приверженцами марксизма, в основу исторических изысканий берут экономические стадии. Политическая и культурная жизнь излагается в конце экономического периода. Естественно, для подобных периодизаций истории нужны источники, а их найти нелегко. Однако при усердии найти можно. Написание истории на изложенной базе способствует подъему экономического положения народа и дает ему много поучительного. В данной статье изложены некоторые размышления, которыми можно воспользоваться при написании узбекской истории.

А. Азиз. Самарканд.

Маориф ва укитувчи. – 1925. – № 7-8. – Б. 90-96.

Вступительную статью, перевод с узбекского языка и транслитерацию с арабской графики документа подготовил
Ринат Шигабдинов,
старший научный сотрудник Института истории
АН Республики Узбекистан

* Слово неразборчиво.
** Слово неразборчиво.